

УДК 111

Паратеоретическая репрезентация исторического события: онто-гносеологический и метафилософский аспекты

А.С. Табачков

Основная гипотеза, лежащая в основе исследования, представляемого в данной статье, может быть кратко сформулирована следующим образом: в основе значимых действий человека лежат его теоретические, или, вернее, паратеоретические, представления о мире. Поэтому история как наука не может заниматься только единичным: человеческими действиями как таковыми и их интенциональными и неинтенциональными следствиями – инициируемыми ими уникальными событиями. История как объективная наука должна исследовать и то, что лежало в основе тех или иных действий людей прошлого, какие рациональные обоснования послужили базисом принятия решений и последующих действий, определявших ситуацию того или иного культурно-исторического локуса минувшего. При этом с онтологической точки зрения мысль-замысел паратеоретического паттерна действия фундаментально бытийна, а это значит, способна выступать в качестве судьбы сущего.

Представляется достаточно очевидным, что темп исторического времени задают, в конечном итоге, действия людей, но что фундирует сами эти действия? Ведь действие подразумевает волю, но воление – это воление чего-либо, воление, которым занимается история, это воление интенциональное и осмысленное, его объект был дан субъекту – человеку-деятелю прошлого – как знание. Знать и желать, понимать и стремиться, предвидеть и опасаться – вот онтические реализации взаимодействия рационального и волюнтаристического¹.

Однако знание всегда нуждается в обосновании, любой концепт требует контекстуализации, отсюда вытекает необходимость некой формы организации этого знания. Знание, могущее служить обоснованием реализации воли, способное задать пространство превращения воли в причинную силу социоисторического процесса, должно быть доказательным и в достаточной степени непротиворечивым, иначе оно просто не справится с подобной задачей. Поэтому такое знание должно быть не просто дискурсивно организованным, оно должно содержать в себе алгоритмы реализации каузальности, применение которых способно порождать практику как осмысленное и целенаправленное взаимодействие человека и его мира. Но любая историческая практика нуждается именно в теории или чем-то подобном, практика как целокупность действия фундируется

---

¹ Читателей, уже знакомых с онто-гносеологическими положениями концепции по недавно опубликованной монографии автора, просим обращаться непосредственно ко второй части данной статьи.

теоретической или некоей паратеоретической целокупностью знания, интегрированное действие корреспондентно интегрированному знанию.

Мы считаем, что в основе значимых действий человека лежат его теоретические, или, вернее, *паратеоретические*¹, представления о мире – объект, обсуждение которого и является, в значительной степени, целью данной статьи. Все иное в человеке-деятеле социокультурной реальности может быть случайным: темперамент и личные психологические склонности, психопатологические фобии и культурные симпатии, все это, в терминах диалектики, суть единичное.

Людам в целом не свойственны алогичные – с точки зрения, конечно, их представлений о логике – и спонтанные поступки², да и в любом случае, изучением не таких поступков занята история. История как наука не может заниматься только единичным: человеческими действиями как таковыми и их интенциональными и неинтенциональными следствиями – иницилируемыми ими уникальными событиями. История как объективная наука должна исследовать и то, что лежало в основе тех или иных действий людей прошлого, какие рациональные обоснования послужили базисом принятия решений и последующих действий, определявших ситуацию того или иного культурно-исторического локуса минувшего³. История как объективная наука должна также эксплицировать паратеоретические основы, исходя из которых понимались и интерпретировались действия того или иного деятеля – понимались и интерпретировались его современниками-соучастниками актуального события или их потомками – в тех случаях, когда исследуется длительная, трансгенеративная последовательность событий. Понимание может быть основой действия солидаризации или действия активного неприятия и сопротивления какому-либо осуществленному, осуществляемому или планируемому к осуществлению действию.

Будучи всегда захваченными поисками ситуативно варьирующихся интерпретативных значений исторически случившегося, мы склонны совершенно упускать из виду то, что смысл события вводится в реальность мироисторического существования ничем иным, как событием смысла. Это значит, помимо прочего, что неосмысленное не может вступить в права действительного и что нет и не может быть бессмысленных событий. Случайное и непреднамеренное не равно и не сходно с бессмысленным; случившемуся непреднамеренному обязательно будет предан смысл, и не важно, что это произойдет

---

¹ В контексте данной статьи паратеоретический – теоретический как минимум по своей форме организации, обеспечивающей хотя бы относительную смысловую когерентность, автономию и дискурсивную воспроизводимость инкорпорированных тезисов.

² Что, конечно, не означает, что они их не совершают. Но о спонтанности и нелогичности мы судим на основании некоей нормы, подобные поступки – исключения, опознаваемые благодаря наличию правила – существования у большинства значимых человеческих действий логичных по своей сути рациональных и, в терминах данной статьи, паратеоретических оснований.

³ П. Стросон считал, «что из способности носителя языка конструировать, интерпретировать и критически оценивать предложения следует существование набора или системы правил, которыми (в определенном смысле) овладел этот носитель языка» [1, с. 455]. Способность задумывать, планомерно осуществлять и критически оценивать результаты своей деятельности, безусловно, свойственна человеку-деятелю истории, отсюда также следует и наличие некоей «системы правил», без которой человек не был бы способен «говорить на родном языке» действия своего исторического времени.

после момента его событийной реализации. «Не важно» потому, что предшествование смысла как замысла – в качестве отличительной черты неслучайного – это, конечно, иллюзия: какое зафиксированное историей преднамеренное действие имело, имеет или будет иметь в интерпретациях и в зависимой от них событийности смысл, полностью тождественный предварительному замыслу, пресловутым благим намерениям деятеля?

Единственным нередуцируемым актом истории является акт движения идеального. Неважно, ударила ли молния этого движения сквозь канал предварительного замысла, пройдя таким образом свой обычный путь от неба к земле, от чистого бытия идеи к ее социокультурному осуществлению, или осмыслено было уже случившееся, и образованная стечением обстоятельств лакуна «фактической» событийности была освещена и заполнена светом осмысленности в результате обратного движения идеального.

Событийное бытие истории складывается из двух основополагающих ипостасей – из осуществления помысленного и из осмысления осуществленного. Конечно, в нем присутствует и неосмысленно осуществившееся, и помысленное несуществовавшее, но это – маргиналии, которые не должны отвлекать нас от этой главенствующей двойцы взаимодействия сущего и мысли.

Материалы и методы. Подлинно научный исторический дискурс должен эксплицировать «теорию жизни» людей прошлого, идейную, идеальную основу их действий или бездействия. Только эта паратеоретическая составляющая может позволить нам правильно понять прошлое. Познающий прошлое разум ищет в нем не нечто случайное, но родственные себе рациональные элементы⁴. Именно благодаря этому свойству познания действительное знание «не есть деятельность, которая владеет содержанием как чем-то чуждым» [2, с. 29]. И дело в данном случае не в некоем господстве разума в мире, но как раз в его имманентных ограничениях – разумное лучше всего понимает другое разумное. По тому же принципу, но в гораздо большей степени, чем романисту или композитору, обращаясь к какой-либо исторической теме и прибегающим при этом к интерпретации языка или музыки изображаемого времени, ученому-историку естественно обратиться к рациональности исследуемого культурно-исторического локуса. Причем под этой рациональностью следует в первую очередь понимать не некие маргиналии и эскапады разума (тоже интересные, но все же не определяющие успех понимания объекты), но деятельность действительного исторического разума, разума, определившего реальные действия или бездействие участников исследуемого события⁵.

⁴ Но ищет, тем не менее, *не самого себя* – без признания сущностной автономии миров прошлого и действовавшего в них разума была бы утрачена и свобода креативного создания миров и даже ситуаций будущего, скажи мы, что разум ищет самого себя, и буквальное возвращение к телеологическому панлогизму Гегеля стало бы неизбежным. И тогда такие, случившиеся, правда, уже после Гегеля, события, как, например, Холокост или Хиросима, пришлось бы тогда объяснять исходя из принципа «хитрости разума». История иногда сама умеет положить конец слишком увлекшейся стройностью своих диалектических построений философско-исторической спекуляции. Мы говорим здесь о теоретическом, по своей форме организации, историческом разуме, в частности, именно потому, что такая стратегия предотвращает его слияние в самодовлеющую и предопределенную тотальность.

⁵ При этом тезис, сформулированный П. Винчем в его работе «The idea of a social science», является все же типичной логицистской утопией: «человеческое действие – непрерывное отражение логики, которая управляет нашими лингвистическими и концептуальными категориями» [цит. по: 3, с. 272]. Здесь, конеч-

Разумность не должна рассматриваться как некий эпифеномен жизни людей прошлого⁶. Исторические события не должны описываться как некие внешние разуму метаморфозы, сепарация событийного и определивших ход его развертывания паратеоретических структур исторического разума неверна как с онто-гносеологической, так и с историко-теоретической точек зрения. Именно эта сепарация порождает неэкспликативные тезисы вроде «рост городов и развитие торговли способствовали переходу от Средневековья к эпохе Возрождения». Вне обращения к теоретически организованным структурам разумного обоснования действий людей прошлого историческая динамика неизбежно предстает неким провиденциальным движением событий, и при этом уже неважно, как – «материалистически» или «идеалистически», или вообще никак – трактуется источник этого движения. Едущим в качестве безбилетного пассажира в неведомо кем управляемом поезде истории – таким в этих случаях предстает человеческий разум. В приведенной выше (в подстрочном примечании) цитате Э. Гуссерль трактует разумность как онтологическую форму существования трансцендентальной субъективности. Пользуясь преимуществом того обстоятельства, что мы в данном анализе не связаны никакими обязательствами с дискурсом классической феноменологии, отметим: разумность – это условие бытия любого и всякого сущего, разумность, по крайней мере, разумность, понимаемая как рациональность, суть условие возможности самой онтологии, она вообще есть метаусловие всех возможных условий и условие любой возможности; разумность как рациональность скорее некий до-феноменальный, пребывающий еще до уровня конституирования феноменального мира, элемент. Поскольку человек, его креативная рациональность и специфичная ему форма бытия никак не могут быть вынесены за скобки любой претендующей на адекватность репрезентации мироустройства, то ясным становится следующее: для того, чтобы на границе объективного и субъективного впервые возник порядок их взаимодействия, необходимо уже наличное присутствие рациональности, онтическому требуется логическое, чтобы породить онтологию. Схема, где сам по себе есть некий самосуший мир и, «внутри» него, под пятой его «объективных законов», пытается выжить человек-эпифеномен и его культура, эта схема либо несостоятельна, либо представляет точку зрения некой третьей стороны, могущей судить и наблюдать, не принадлежа этому миру и никак не соотносясь с его рациональностью.

Результаты и их обсуждения. Действительные основания исторической ситуации могут быть эксплицированы только через анализ паратеоретических паттернов не-

---

но, явно присутствует определенный холистский максимализм и достаточно типичное для подобных проектов игнорирование того обстоятельства, что логика (когда логика берется именно как логика, вне какой-либо диалектики или какой-либо другой онтологической парадигмы) не обладает должной потенцией генерализации свойств и качеств тех сложных феноменов, о которых говорит автор. Логика вообще, в отличие от метафизики, не является бесконечно масштабируемым инструментом описания реальности. В тех случаях, когда она берется за объекты, находящиеся на границе (или уже за нею) достижимой для нее глубины и/или сложности, она начинает напоминать классическую механику, средствами которой вроде бы и можно описать, скажем, электронное компьютерное устройство, но уж слишком нечитаемым будет такое описание.

⁶ Э. Гуссерль писал: «Разумность не есть некая случайная фактическая способность, это имя следует дать не каким-либо возможным, случайным фактам, но скорее, универсальной сущностной форме структуры трансцендентальной субъективности вообще» [4, с. 391].

спонтанных интенциональных действий людей прошлого⁷. Речь идет о логике исторической ситуации, но логику здесь следует прежде всего понимать в ее самом высоком, онтологическом, значении – как логос, конституировавший, в своей вечной борьбе со случайным, жизнь прошлого, логос, благодаря деятельному присутствию которого она и смогла стать в итоге историей.

Паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий суть элементы актуальной, действенной рациональности; в событии или событийном ряде прошлого как объектах просто нет более подходящих для изучения элементов, если, конечно, мы действительно более не согласны оперировать абстракциями социологизаторского толка или довольствоваться, по сути, художественными, анимационными интерпретациями исторического прошлого. Воля участников события прошлого не подлежит транстемпоральному предъявлению⁸, чувственное эмпатически доступно, но в весьма опосредованной и никак не верифицируемой форме, значение фактического целиком зависит от интерпретативной перспективы, а его конкретный артефактный состав – от случайности, хронологические атрибуты принципиально конвенциональны и не столь уж полезны для глубокого понимания сути события, эстетическое слишком сильно зависит от способа его репрезентации. Событие прошлого как идеальный объект не может предложить познанию никакой другой действительной достоверности, кроме достоверности паратеоретических основ, легших в основу его бытийной конституции неспонтанных интенциональных человеческих действий. Вне анализа реальных действий исторического разума воссоздающее усилие познания – при неблагоприятных стечениях обстоятельств – может породить фантазм, *произвольное производное недействительного полагания*, полагания, осуществленного вне действительности теоретического содержания деяний агентов события. И если фантазм в классической интерпретации феноменологии это аналог ощущения в репрезентациях памяти, то фантазм, о котором идет речь здесь, это результат дискурсивной трансляции в культуру онтологически несостоятельного безосновного акта познания; здесь он скорее аналог пустоты несостоявшегося, некое воспоминание о никогда не бывшем. Его бытийная безосновательность придает ему парадоксальное онтологическое свойство актуальной пустоты, отсюда характерная для фантазма сверхвалентность к посторонним идеологическим и конъюнктурным смыслам, к контаминации не имеющими отношения к заявленному объекту псевдоактуальностями настоящего. Фантазм всегда скорее скрывает – в своих всегда эпифеноменальных эффектах – чем эксплицирует действительность прошлого.

Пустая, не нашедшая достоверного, теоретического адресата в прошлом, интенция фантазма порождает замещающий его псевдообъект, не имеющее отношения к

⁷ Ф. Анкерсмит принадлежит следующий, достаточно радикальный, на наш взгляд, тезис: «Как только мы покидаем сферу интенционального человеческого действия, прошлое лишается свойственного ему внутреннего значения, скрытого или какого-либо другого» [3, с. 220].

⁸ Но сам факт волевого акта удостоверяется фактом произошедшего события, фактом событийного осуществления воли действовавшего в событии агента. Тем не менее, понятно, что не каждый волевой акт был событийно-исторически осуществлен и таким образом зафиксирован, впрочем, так же, как и не каждое потенциальное паратеоретическое основание действия реализовалось в действии реальном. Но, к счастью, история может, а по сложившемуся мнению, и должна исходить только из наличного, из событийно зафиксированного произошедшего.

прошлому псевдооснование, способное, впрочем, инкорпорировать в себя вполне достоверные фрагменты фактического. Дело в том, что само фактическое, без экспликации со-бытийных ему паратеоретических паттернов разума, легко становится фикцией, пустой, ничем на самом деле не подкрепленной декларацией достоверности. «Отдельная вещь и суть ее бытия» здесь действительно не «одно и то же» [5, с. 195]. Фактическое вне своего аутентичного паратеоретического контекста, в лучшем случае, может представлять только само себя, причем представлять не как целостность, но только как простую сумму артефактов и дискурсов.

В результате последующей инкультурации фантазм трансформируется в дискурс-симулякр исторического. Дискурс-симулякр – конечная стадия развития фантазма, чья изначальная безосновность обретает в симулякре законченную форму самовоспроизводящейся пустоты. Произвольное производное фантазма превращается в культуре в произвол симуляции исторического. Не занятое в действительности ничем, кроме циркулирующей автореференции, зеркальное смысловое пространство симулякра охотно отражает любые псевдоактуальности настоящего. Именно таким образом, к примеру, в повествовании о средневековье современного автора вдруг всплывает искаженный образ современной дискуссии о гомосексуальности.

Псевдознание, возникающее в результате симуляции исторического, начавшейся по вышеописанной причине игнорирования рациональных паратеоретических конститутивов события либо в других случаях тяжелых, включающих момент не встречи познавательной интенции и действительного объекта, неудач истории, несомненно близко по своим свойствам к известному феномену «превращенной формы». Спецификой этой последней – в интерпретации системного анализа М. Мамардашвили – «является действительно... существующее извращение содержания» [6, с. 317]. В нашем случае мы тоже видим, как недействительное «промахнувшихся» (либо заведомо направленных мимо действительности) интенций, породивших фантазм познания, через актуальную пустоту возникающего затем на его месте симулякра становится, в конце концов, опасной действенностью извращенного знания, действенностью, оборачивающейся, через какое-то время, нужное для его социализации, извращением самой действительности.

Событийная динамика и, тем самым, ход исторического времени определяются, в конечном итоге, актами аппликации теоретически организованного знания. История людей корреспондентна истории их идей, это история событийной реализации идеального.

Последний тезис – не просто фраза. Весь предыдущий онто-гносеологический анализ подводит нас к пониманию того, что паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий это не просто некие эпифеноменальные резоны поступков людей прошлого, ведь определяемое ими сознательное участие в событии является инвестицией собственного экзистентного времени в изначально внешнюю самой экзистенции событийность. Паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий определяют каждую трансляцию экзистентного времени активного агента⁹ события в исторический процесс, они управляют трансляцией и конвертацией

⁹ Пассивная трансфузия экзистентного времени тех, кто против их воли оказался захвачен событием, не может прямо повлиять на его формирование, не решая и не действуя, они оказываются неучастными к

индивидуально-экзистентной темпоральности в интерсубъективное историческое время. Это значит, что с онтологической точки зрения, а точнее, с точки зрения генезиса событийной темпоральности, паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий являются *метафизическими поверхностями истечения времени*, они – это созданные человеческой рациональностью *структуры формирования волюнтаривно-темпоральных пульсаций бытия социокультурного сущего*. Событийные пульсации бытия конституируют историческое время, при этом данные структуры определяют истечение как экзистенциального, так и событийного времени – именно в них экзистенциальное время разумно волящих индивидуумов прошлого конвертировалось в событийное объективное время. Многомерные метафизические поверхности истечения времени находятся на границах субъективного и объективного бытия и субъективного (экзистенциального) и объективного (событийного) времени, более того, они в событийной динамике и определяют эти границы; по большому счету, это и есть те самые «joint [of] the time» классика – то, что соединяет и определяет движения времени [7, р. 47]. Сконцентрированная на изучении этих действительно фундаментальных структур¹⁰, история становится инструментом уже онтологического анализа, своего рода объективной эйдетической феноменологией прошлого¹¹.

* * *

Однако отстраненный критический взгляд на кратко представленные выше результаты наших исследований данной проблематики безусловно заметит, что в поисках основы событийной истории среди различных форм и уровней организации реального нами была выбрана одна, до этого считавшаяся не слишком подходящей для метафизики истории, инстанция идеального, а именно – теория.

Конечно, вполне может быть, что символ, как считают поклонники семиотики, и является некой точкой равновесия между идеальным и реально данным материальным, но между идеальным и действительным деятельно посредствует именно теория и ничто иное.

Реальное это всегда результат вмешательства случайного, среди его конститутивов есть и фантазмы ложного знания, процессуальность культурно-исторического реального включает в себя, наряду с аутентичными – аутентичными наличному положению вещей и должному идей – путями реализации каузальности, также и цепи самопорождения симулякров, и даже регионы полного господства превращенных форм.

формированию паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий. Поэтому в динамике события бездействие пассивных присоединяется к противодействию случайного. Пассивная трансфузия также вмешивается на вероятностном уровне и увеличивает инертность и реактивность внутрисобытийных процессов.

¹⁰ Сосредоточение усилия познания на структурах паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий может позволить осуществить взаимоконгруэнтную экспликацию как смысла события для его конкретного индивидуального участника, смысла, которым были обусловлены его конкретные действия, так и интегрального смысла события – как коллективного рационального базиса его осуществления.

¹¹ Разумеется, интенции, задачи и обоснование этого тезиса полностью отличны от таковых в известном проекте Б. Кроче – тождество философии и истории, конечно, не провозглашается.

Поэтому в познании прошлого так важно видеть, за демонстрирующим чуждость Различием и исподволь подводящем к цинизму Сходством, ветвящиеся молнии идеального, озаряющие светом действующего (действовавшего) разума вне его полиморфные, зависимые от точки зрения интерпретирующего, событийные облака; научиться видеть за скрывающей кроной манифестаций Случайного растущее стальное дерево жизненно-теоретической мысли¹².

В противном случае дискурс историка всегда рискует оказаться всего лишь перешедшей (и этим, кстати, нарушившей ее целостность) транстемпоральную и транссобытийную границу реинкарнацией какого-нибудь симулякра идеологического генезиса, оказаться, с точки зрения «политической карты» эволюции разума, некой незаконно продвинувшейся по времени территорией трансгрессии какой-либо из превращенных форм прошлого. Настоящий историк не может и не должен позволять себе становиться участником игр давно умерших игроков прошлого или жертвой тех же, что и они, аберраций и обманов сознания¹³. Одновременно проясняющее и защищающее, прозрачное, но бесконечно прочное стекло метатеоретического отношения, – это как раз то, через что можно и должно рассматривать такой никогда не данный в очевидности и никогда до конца не безопасный объект, как историческое прошлое.

Мы, в предыдущих публикациях много раз останавливались на отличиях – отличиях, как представляется, достаточно фундаментального характера – метатеоретической трактовки истории от гегелевской панлогики и родственных ей концепций [см., напр.: 9, с. 9]. Поэтому сейчас мы лишь напомним, что основной точкой расхождения является неприятие нами стратегии гомогенизации идеального диалектическим движением понятия, помимо прочего, уничтожающей автономию человеческой экзистенции.

Отношения обсуждаемой концепции с платонизмом, ввиду их достаточной самоочевидности, думается, не нуждаются в подробном анализе, но, тем не менее, следует обязательно отметить следующее: онтологический статус идеального у нас в определенной степени девальвирован принципиальной ситуативностью его событийной реализации, возможной, в свою очередь, только посредством теоретической формы его организации (о некоторых ее особенностях будет сказано ниже) и, кроме того, наше идеальное исторично, хотя и несколько инвертированным образом – по крайней мере, это касается его генезиса, момент которого в нашей концепции определяет ход самого времени. При этом абсолютной и бесповоротной терминции бытия идеи и производного идеального препятствует не что иное, как сама история.

Стоит также заметить, что концепция паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий, с метафилософской точки зрения, позволяет также если и не подняться, то в любом случае обойти такое достаточно важное для исторического развития онтологии противоречие, как противоречие монизма и плюрализма:

---

¹² Молния и дерево – как основательность и озарение, как укорененность и свобода – это именно те две метафоры, которые хотелось бы как-то объединить в попытке описать движение идеального теоретического в истории. Здесь, разумеется, не могут не вспомниться интуиции М. Хайдеггера, в частности, то, что было им обозначено как «едино-сложенность земли и неба» [8, с. 324].

¹³ Впрочем, как – по возможности – и современных ему политически, идеологически, культурно или каких-либо еще мотивированных дискурсивных злоупотреблений.

теоретически оформленное идеальное интенционального действия очевидно находится вне зоны обязательной атрибуции к полюсам господства Единого или анархии Множественного, ведь паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий это, по сути, проекты реализации самой реальности, то есть элементы такого порядка, который еще – или уже – не подчинен моно/плюралистической оппозиции. Будучи встроенными в иерархию других со-бытийных им паттернов действий, скажем, исторических действий какого-нибудь правоверного монарха-монотеиста и, в силу этого, так сказать, естественного мониста, паратеоретический паттерн неизбежно станет частью именно такого, монистического, актуального представления о мироустройстве – и будет таковым до тех пор, пока не появятся варвары, не учитывающие и не учтенные этим порядком. В общине манихеев-дуалистов или в колонии анархистов аналогичный паттерн станет частью уже плюралистического (у манихеев, конечно, дуалистического) большего теоретизации мира – и будет оставаться таковым до тех пор, пока в их среде, например, не созреет и не захватит власть некий монистский, уже по самой природе своего типа реализации власти, тиран. И дело здесь, по-видимому, отнюдь не в имманентной этой форме и этому порядку теоретически организованного идеального релятивности, но в некоторой поверхностности, «надстроечности», самой этой якобы фундаментальной оппозиции, в ее вспомогательном, сущностно эпифеноменальном характере, часто просто навязываемом прорывающейся в разум реального бытия – бытия создаваемого экзистентно-ответственным и экзистентно-рискующим историческим действием – метафизикой¹⁴.

Что же касается самой вышеупомянутой теоретической формы организации идеального, то, во-первых, следует сказать следующее: будучи основой практического действия, теоретическое должно, помимо прочего, уметь моделировать будущие структуры реальности, причем – имея в виду, прежде всего, исследуемый в данной статье вид теоретического, то есть паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий и их метатеорию – оно должно делать это не только в миметической, по своей сути, модальности «образец–копия», но и в модальности креативной, в модальности моделирования ранее никогда не бывшего. Понятно, что эта, не конгруэнтная общей онто-гносеологической трактовке идеального в платонизме, модальность характеризует, в первую очередь, этап непосредственного генезиса и применения паратеоретического в событийно развивающейся исторической практике. Но проективная модель желаемого будущего состояния дел, чтобы не быть неким пустым прожектом, должна обладать по отношению к социокультурной реальности неким предотвращающим ее неприятие сродством и, одновременно, генетическим потенциалом образования и реализации нового, потенциалом обдуманного, фундированного теоретически оформившейся мыслью, изменения этой реальности. Мысль-замысел паратеоретического паттерна действия фундаментально бытийна, а это значит, способна выступать в качестве судьбы сущего. И здесь, конечно, налицо совпадение нашей концепции с платонизмом – мы также уверены, что идеальное бытие предшествует и определяет существование. Но предшествует и определяет, все-таки, несколько иным, специфичным для исследуемой

¹⁴ Метафизикой в том, на этот раз абсолютно заслуженно негативном значении этого термина, каковое было выработано и применялось в советской философской науке.

области реальности, образом: предшествует не в некоем внеположенном времени как равномерной последовательности инвариантных и инертных, по отношению к бытию сущего, моментов, но во времени как эквиваленте эффективности причинно-следственного взаимодействия, не во времени ньютоновской механики или даже эйнштейновской игры масс и пространств, но в метаэкзистенциальном времени осмысленного взаимодействия событий – событий, в конституировании которых прямо или опосредованно участвует сам тот или иной элемент идеального.

Что же касается определения идеальным характера сущего, то в нашей – подчеркнем, специальной, то есть специфичной своему объекту исследования – концепции, это определение происходит не столько в противостоянии с неумным материальным началом *hyle*, сколько в противоборстве и взаимодействии с другим, комплементарным и альтернативным, теоретическим идеальным возможным действием. В социоисторической реальности, как она представлена в нашей концепции, судьбу все-таки выбирают, выбирают из нескольких альтернативных предложений. Именно поэтому мы в свое время и обозначили один из двух основных, по нашему мнению, типов исторической каузальности, как Предложение Активного Выбора [10, с. 116]. И поскольку речь идет о предложении, то судьбу, конечно, можно не только выбрать, но и, в определенных социальных условиях и ситуациях, также и предложить – себе и некому, варьирующемуся в зависимости от тех же условий и ситуаций, числу других, также вольных – пусть и всякий раз вольных в разной степени вольности, с разной степенью риска для собственной экзистенции – принять или отклонить это предложение – или его не понять.

Но как мы должны трактовать теоретическую основу действий собственно прошлого, то есть теоретическое идеальное, ставшее уже объектом исторического познания, и следовательно (методологически осознанно применяемого или нет, в данном случае не столь уж и важно) объектом метатеоретического, в той или иной степени, рассмотрения?

Извлеченный сознательным или интуитивным метатеоретическим усилием историка смысл-замысел событийного действия прошлого, репрезентированный в дискурсе знания как, например, в нашей трактовке, паратеоретический паттерн неспонтанного интенционального действия, представлен этим актом познания к началу двух различных, но никак не исключających друг друга путей дальнейшей реализации: первый путь – это путь дальнейшей идеации, например, идеологизации или мифологизации¹⁵. Второй путь – это путь непосредственного событийно-исторического осуществления – и это, конечно, не столько путь неких повторных, по уже данному представлению об истории образцу, убийств очередных тиранов-цезарей или учреждений новых столиц, но, прежде всего, куда как более тонкий процесс, который, на самом деле и по праву является абсолютно органично-интегральной частью целого научного познания и поэтому не должен далее искусственно выделяться в некий особый, не вызывающий особого доверия подвид, не должен и далее оставаться оставленным в гетто якобы имманентно недостоверного знания – в силу, как мы надеемся, нам удалось показать в данной статье, на самом деле надуманных причин онто-гносеологического характера. В

¹⁵ Средствами массовой культуры, например.

широком метафилософском плане, этот отчасти анти-риккертский и всецело анти-постмодернистский тезис и есть, собственно, то, что мы хотели сказать и, по возможности, доказать в данной работе.

И, наконец, последнее – у любой рациональной теории, с большим или меньшим успехом реализуемой в практике, в том числе, и у понимаемых подобным образом идеальных оснований социокультурной истории, есть, конечно, некий неизбежный инженерно-технический акцент¹⁶. Но что же делать, если человек Запада по природе и сути своей Конструктор – и Реконструктор, применительно к его отношению к прошлому; что же делать, если после смерти, а вернее, исторической неудачи бога, он остался единственным ответственным за судьбы и смыслы Бытия.

Л и т е р а т у р а

1. Strawson, P. Grammar and philosophy / P. Strawson // Semantics of Natural Language / ed. by Davidson and Harman. – Dordrecht–Holland: D. Reidel Publishing company, 1972.
2. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения: в 9 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: АН СССР, Институт философии / Изд-во социально-экономической лит-ры, 1959. – Т. 4: Феноменология духа.
3. Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры: пер. с англ. / Ф. Анкерсмит. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
4. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
5. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1.
6. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990.
7. Shakespeare, W. Hamlet, Prince of Denmark / W. Shakespeare. – London: Collins, 1976.
8. Табачков, А. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993.
10. Табачков, А. История как метатеория прошлого / А. Табачков. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008.

Поступило 28.10.2009

---

¹⁶ Сильное влияние которого, вне всяких сомнений, ощущается и в нашем, увы, достаточно «технократическом» истолковании истории как метатеории.